

СИФРУТ, ОМАНУТ И ЯХАДУТ*

Мне казалось, что я знаю о разнообразных гранях творчества Мириам Гамбурд немало, уже привыкла, что каждый раз ее искрометный талант выплескивается во что-то ранее неизведанное, самобытное – ведь известна парадоксальная широта ее интересов.

Достаточно вспомнить ряд ее неожиданных деяний только за последние несколько лет.

Мириам Гамбурд – выпускница бывшей «Мухинки» (ныне Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица) – после ностальгической поездки на встречу сокурсников написала блестящий очерк «Династия Штиглицев»¹, оказавшийся чуть ли не краеугольным камнем в русском «штиглицеведении». В этом очерке она органически сплела географические, исторические, финансовые, царско-династические истории в повествование о меценате, подарившем Петербургу ее *alma-mater*, которая выпестовала плеяду замечательных дизайнеров, скульпторов, художников.

Годом ранее Мириам публикует сочно написанный, этнографически выверенный рассказ «Менялы для прекрасной Лалы» – свою генетическо-фантазийную, рожденную от есенинских строк версию о том, почему бывают голубоглазые евреи и почему историческая суматоха и ближневосточно-украинско-польско-турецкое месиво интересов и интересантов никого и никогда не делает счастливым. (Самое время ныне, в буднях украинских беспорядков, привлечь внимание к этому рассказу².)

Когда же три года назад умер Эдуард Шнейдерман – поэт и литературовед, то всё другое посторонилось, потому что в эссе, посвященном его памяти, Мириам выплеснула свою скорбь, сказала и о недооцененности ее друга. Они дружили долгие годы,

* *Сифрут* (литература), *оманут* (искусство), *яхадут* (иудаизм).

с той самой «мухинской» поры, но только когда Мириам опубликовала в журнале «Звезда» очерк творчества самобытного поэта, одного из лидеров ленинградского самиздата, скрупулезного исследователя имажинизма, языкового фантазера-лингвиста, то неожиданно открылось, в том числе и для нее самой, сколь самобытной личностью он был³.

Как она – не литературовед и не историк культуры – сумела столь досконально и профессионально собрать, выстроить, пропустить через себя немалое и разнообразное наследие Шнейдермана, попутно дав панораму жизни ленинградского андеграунда на фоне русских литературных течений 20-го века? Горюя о потере, Мириам на едином дыхании, за несколько ночей собрала и систематизировала материал и написала очерк, благодаря которому стал понятен масштаб личности ушедшего поэта.

Это – литература, литературоведение, история, и это только один из многих миров и притяжений Мириам Гамбурд.

Возрожденческая широта ее интересов и их воплощений поражает. Мириам – Творец с прописной буквы: скульптор, художник, график, литератор...

Но приходится еще и служить – для заработка. Многие годы она ведет курсы рисунка в «Бецалеле» – иерусалимской Академии искусств, и в одном из колледжей в центре Израиля. Участвует в семинарах, выставках, конкурсах, заседает во всяких полезных и бесполезных комиссиях, украшает собой молдавско-бессарабское землячество – почетный гость на любом их мероприятии. Пропагандирует Мириам и творчество своих родителей-художников: классика румынско-молдавской живописи Моисея Гамбурда и Евгении Гамбурд. При ее непосредственном участии (организации, патронаже, авторстве – полном или частичном) изданы альбомы-монографии о каждом из них, а летом 2014 года состоялась ретроспективная выставка обоих в Музее русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных (в Рамат-Гане)⁴.

Скульптуры Мириам Гамбурд находятся во многих странах: в Израиле, Молдове, Словении, Франции, США, и достаточно регулярно, как в Израиле, так и за его пределами, организуются выставки, в которых она участвует.

Свои рассказы, очерки и эссе Мириам публикует на двух языках – русском и иврите, и список ее публикаций внушителен⁵. Выпущенный в 2001 году сборник рассказов «Двухфигурная обнаженка» демонстрирует, с какой виртуозностью и легкостью автор может развить сюжет в четырех-пяти-страничном рассказе так, что он тут же «разойдется на поговорки». Афористическая фраза, меткое и сочное описание, подковырки и самоирония, точно подмеченные детали – все это составляет творчество высокой пробы, причем удаchi следуют одна за другой, и это в жанре сатиры, где каждая фраза, каждый изгиб сюжета как ходьба по канату на высоте!⁶

Казалось бы – достаточно, чтобы почувствовать удовлетворение, но...

В начале всего нового – и века, и тысячелетия – Мириам получила грант академического колледжа «Бейт Берл» на

исследование темы, к которой она приближалась всем своим изобразительным творчеством, которая интересовала ее и как рисовальщика и скульптора, и как человека, пытливого изучающего духовные истоки своего народа – с другой. Условно исследование называлось «Эротика в Талмуде», но прошло целых десять лет, пока оно превратилось в книгу-альбом *«Йецер ха-ратов меод»*. Эта фраза из мидраша совершенно непереводима на русский язык. Она позаимствована у Игоря Губермана: «Грех прекрасен содержанием». Подзаголовок – Любовь и «мерзость» в Талмуде, мидрашах и других священных еврейских книгах – хотя и призван что-то объяснить ошарашенному читателю, но все же окончательно обволакивает тайной.

Подготовительная работа была воистину титанической: в первую очередь надо было выработать концепцию, основанную на серьезной теоретической базе: Мириам в течение многих лет является слушательницей и участницей курсов и семинаров по изучению еврейского духовного наследия, ею проштудированы важные труды ученых-комментаторов Талмуда, как канонические, так и современные, она сама занималась сравнением различных переводов с оригинальными текстами.

Принято считать, что еврейской традиции свойственен запрет на изображение человека, поскольку евреи никогда не иллюстрировали свои священные книги, ведь заповедь «Не сотвори себе кумира» – одна из самых известных. На самом же деле, и Мириам это убедительно доказывает, запрет распространялся исключительно на скульптуру – объемное изображение, ибо скульптура генетической памятью отсылала к паганическим отправлениям культа и была мерзостью в глазах Господа, но не на плоскостное – рисованное. Скульптура в генетической памяти людей связана с идолопоклонством, и, в обратной перспективе, с человеческими жертвоприношениями, которые строжайше запрещены Торой.

Исследовательница выбирает направление: ее комментарий, как она говорит, это диалог между еврейскими священными текстами и рисунком. Однако сами тексты, которые предстояло перевести на язык иного жанра, были неоднородны и потому законы книжной

графики, будь то нарратив, или, напротив, полное отстранение от него, в данном случае не могли сработать.

Талмуд⁷ настолько разнообразен в жанрах, настолько разветвлен в своих составляющих, не говоря уже о наличии двух его редакций, что выбор какого-либо единого стройного иллюстративного стержня не представлялся возможным. Мириам пишет: «Мой выбор рисовальщика падает лишь на те отрывки текста, которые можно увидеть-вообразить <...>, рисунок позволил мне ворошить мало знакомый ранее материал <...>. В поисках сцен, подходящих для рисунка, я снова и снова вчитываюсь в древние строчки и обнаруживаю много интересного <...>, аналогии, ассоциативные узлы, парадоксальные ходы – и не перестаю удивляться плотности вербальной субстанции, где всё со всем сплетено, расчленено и выстроено заново...»⁸.

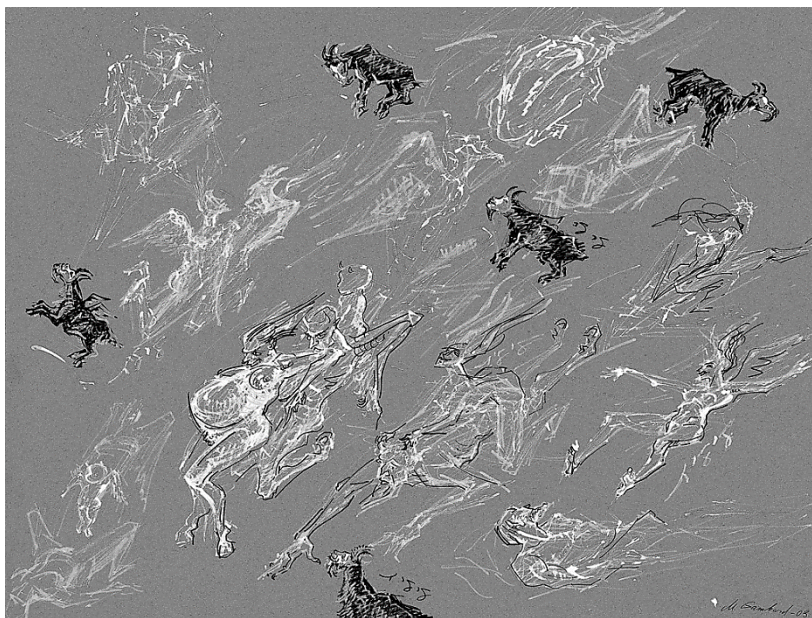
В результате, после нескольких лет захватывающе интересной, но и изматывающей своей бесконечностью работы (когда невозможно

было поставить точку, каждый раз это оказывалась или запятая, или многоточие), исследование обрело конкретные очертания. Предваряемое вступлением автора, оно состоит из шести в русской версии и пяти – в ивритской и английской – самостоятельных эссе, визуально комментирующих очень известные, мало или совсем неизвестные талмудические сюжеты, проиллюстрированные 80-ю рисунками.

Свою версию известнейшей истории об Иосифе Прекрасном и жене Потифара, воспылавшей неодолимой страстью к молодому рабу, Мириам изложила в эссе **«Лук и стрелы»** и в пятнадцати рисунках. Веками этот сюжет будоражил художников, писателей, да и не их одних. Читатели второй половины XX века находились под обаянием обстоятельного романа Томаса Манна «Иосиф и его братья», поэтому, вторя его машинистке, каждый, добравшись до конца саги, мог воскликнуть: «Наконец-то я знаю, как это было на самом деле!».

Мириам же занимается параллельным сличением текстов различных мидрашей, чтобы выработать единую направляющую повествования, подводит свой нарратив к пику истории – диалогу между разгоряченной желанием женщиной и Иосифом, которому не чуждо, в отличие от его хозяина, Потифара, ничто мужское, но который не только Прекрасный, но и Праведный, потому он и выдерживает (почти) испытание плоти, выставив на посмешище (а может быть, и сострадание) сексуально озабоченную женщину, отныне желающую мести, – к которой она призывает и своих подруг, – по отношению к мужчинам вообще. Прокомментировав целый пласт талмудических текстов, связав толкования многих раввинов, перебросив ассоциации в иные исторические эпохи, также отраженные в Талмуде, Мириам уже чувствует себя незримой участницей этих почтенных собраний и вносит в них свою составляющую – визуальную, параллельно словам задрапировав сюжет в иронично-дерзкие, мастерски выполненные перьевые рисунки, предоставив работу нашему воображению.

Воображение должно быть задействовано в полной мере и при чтении другого эссе – **«Ангелы в натуральную величину»**. Здесь

автор исследует метаморфозы предметов и понятий, которые сегодняшний светский человек ассоциирует через современные представления: Ковчег – Индиана Джонс, или, еще хуже – «Код да Винчи», херувимы – представители разветвленного, разбросанного по небесам семейства ангелов, а уж им-то несть числа во всем классическом искусстве: маленьким пухленьким шаловливым малышам с крылышками и со стрелами любви, более взрослым серафимам и более рослым архангелам, чьи имена оканчиваются на «ил» (Гавриил, Михаил и т.д.), демонстрирующими неразрывную связь с Богом. Но в дискуссиях раввинов звучало иное!

Оказывается, что воплощение очередной Господней идеи в херувимах, двуполох, в отличие от их вышеперечисленных родственников, действительно возвышенно и вдохновенно: меж их распростертых крыльев, трепетных и нежных в момент соития, обитала Шехина – Божье присутствие! Херувимы же стояли на крышке Ковчега, хранившего в сокровищнице Храма – Двире.

Когда Храм был разграблен и осквернен, завеса при входе в Двир пала, а херувимы под улюлюканье захватчиков были искалечены и выброшены на людское поругание, Шехина – Божье присутствие – покинула святой город Иерусалим.

Связывая дискуссионные высказывания и комментарии из различных частей Талмуда, Мириам анализирует сентенции и не столь давно живших философов, в частности, цитирует В. Розанова, что в иудаизме тело и душа человека представляют единое целое, акт возвышен и богоугоден⁹. В рисунках к этому сюжету, а их девятнадцать, доминирует мотив крыльев херувимов, образующих арки в момент любви, а не их детские маленькие личики, которые гораздо менее важны. Арка – это то, что запоминается на века, а личико может быть представлено-подставлено любое. По вычислениям исследовательницы, основанным на данных, разбросанных в текстах Талмуда, рост херувимов достигал десяти локтей, то есть пяти метров, а размах их крыльев был и того больше. Поэтому неудивительно, что в кушах этих трепещущих крыл и обитала Шехина: наверное, до поры это было самое надежное и приятное для времяпрепровождения и созерцания место.

Во время работы над этим эссе Мириам сделала открытие: установление скульптур – «мерзостных», языческих по природе своей, в Святая Святых – оказалось потребностью сильнее всяческих запретов!

Герои эссе **«Натюрморт с серебряным кубком»** не вызывают никаких ассоциаций узнавания – напротив, все, о чем рассказывает исследовательница, настолько же ново и неожиданно, насколько и доказательно.

В исключительных обстоятельствах предстают они перед нами: два разгоряченных красавца, купающиеся в речке Иордан, которой еще только через много времени предстоит стать священной.

Итак, рабби Иоханан и пока еще гладиатор Шимон бен Лакиш оценивающе взирают на обнаженные тела друг друга при своей первой встрече. Они оба хороши. Рабби Иоханан прекраснее любой женщины, к тому же безбородый, а бен Лакиш – исполинский силач. Не правда ли, невероятный ракурс для духовных лиц? Как

мы представляем себе духовных лиц раннехристианского периода: в развевающихся свободных одеждах и сандалиях на босу ногу (согласно изо- и кино-стереотипам). Но такие наряды никак невозможны по отношению к рабби – еврейские духовные лица, опять же стереотипно, видятся упакованными в черные лапсердаки и широкополые шляпы, как, впрочем, они и сейчас выглядят повсеместно, включая современный Израиль с его средиземноморским климатом.

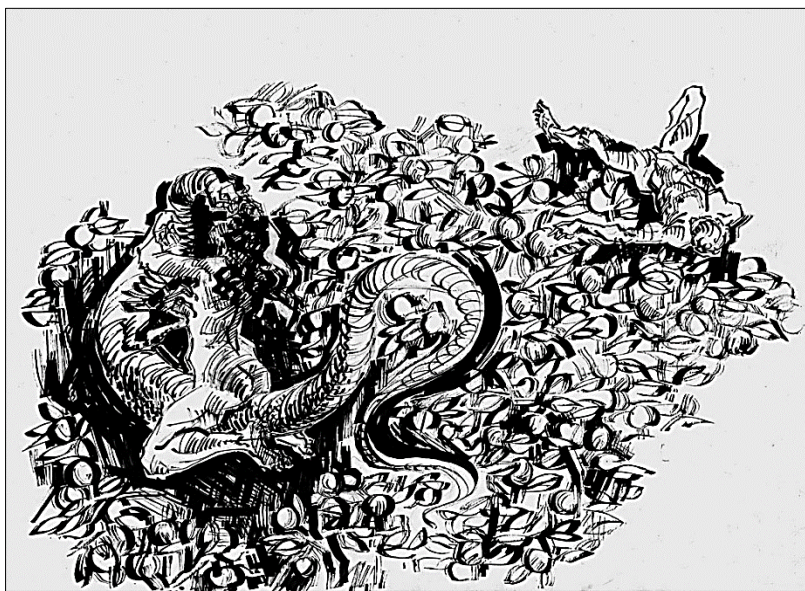
Ранее как-то даже не приходило в голову воображать себе современное духовное лицо голышом в море или в ином водоеме. Эти двое – реально существовавшие весьма уважаемые талмудисты. Рабби Иоханан возглавлял иешиву в Тверии, одну из крупнейших в III веке, он – один из самых мудрых в своем месте и своем времени. Его ученик, бывший гладиатор Рейш Лакиш, также получил титул рабби и пользовался несомненным авторитетом. После этой встречи в Иордане он стал учеником рабби Иоханана, способным и сметливым, и достиг высот духовности. Несчетное количество раз оба они упомянуты в Талмуде. В том числе, не только с уважением к святости и мудрости, но и в таком вот забавном рассказе о знакомстве двух почтенных мужей. Нетрадиционно, но достоверно.

Еще один эпизод из жизни рабби Иоханана повествует о том, как он сидит у входа в микву – купальню для ритуальных омовений при синагоге. Нам уже известно, что он – красавец, и он знает это, а потому хочет помочь вымывшимся и спешащим в супружескую постель женщинам зачать детей, таких же прекрасных, как он, и таких же умных, как он! (Законы селекции уже применялись всюду: вспомним, как Яков выводил породу овец нужного ему окраса!)

Совершенно очаровательны тринадцать рисунков Мириам к отрывкам, иллюстрирующим эту историю, лейтмотивом которых является лукавое любование героями, которым она совершенно открыто симпатизирует.

Большой интерес для исследовательницы представляет вопрос о побудительных мотивах творчества, как они представлялись еврейским мудрецам и как это отображено в Талмуде. Эссе «Творчество – проделки беса» как раз об этом.

На иврите побуждение – *Йецер*, доброе – *тов*, злое – *ра*. Введя в компьютер оба термина, Мириам нашла в Вавилонском Талмуде только шесть упоминаний о добрых побуждениях и более тысячи – о злых. Тут нет ничего удивительного: зло, пагуба, страсти, наваждения, грех – понятия, так или иначе тесно связанные и с эротикой, толкуются в Талмуде в тесной связи с *Йецер-ха-ра* (злым побуждением). Отображение, описание греха всегда предпочтительнее описания добра: чувства – сильнее, эмоции – захлестывают, ощущение возмездия – неотвратимо. Мириам выносит на суд читателей и еще одно интересное наблюдение: в иудаизме в перечне чувств, которыми снабжен человек, зрение – самое коварное, оно создает или, в крайнем случае, помогает вождению, т.е. греховно. Напоминаю, что в предисловии к своему труду она подробно остановилась на том, что орудие еврейской цивилизации – слово, а не изображение, как, например, у египтян или греков.

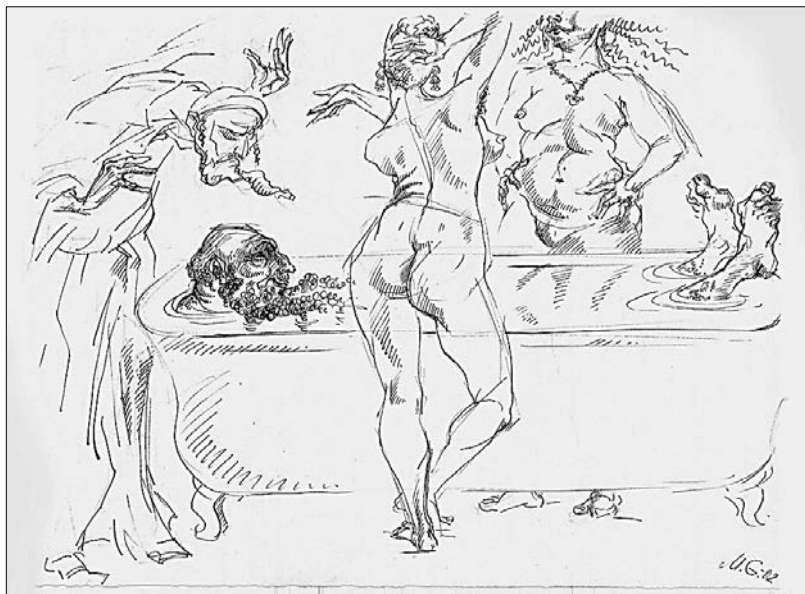
Глаза – вот главное орудие *Йецер-ха-ра*. Поэтому так распространен мотив лишения зрения в иудейской традиции (вспомним

Самсона!). Сыны света и сыны тьмы борются в агаде, рассказанной в одном из найденных кумранских списков, и это противостояние света и тьмы, доброго и плохого, души и плоти через века доходит и до нашего времени, и противоборство продолжается...

Как и в других эссе, автор подбирает наиболее важные для развития идеи отрывки талмудических текстов (слова, слова!) и иллюстрирует их.

Ослепление огненного львенка, Змей, искушающий Еву, Далила, обманувшая и обессилившая Самсона, – вот сюжеты рисунков к этому разделу.

Последнее эссе **«О женщины, ничтожество вам имя!»** (оно последнее просто по расположению, но разделы книги могут быть и перетасованы), как мы видим из названия, посвящено отображению вечного притяжения-отталкивания полов в раввинистической литературе. От «Песни песней» до скабрёзных анекдотов: весь спектр

чувств мужчины по отношению к женщине может быть подытожен одной цитатой «Проклял [Всевышний] женщину – но все ее жаждут».

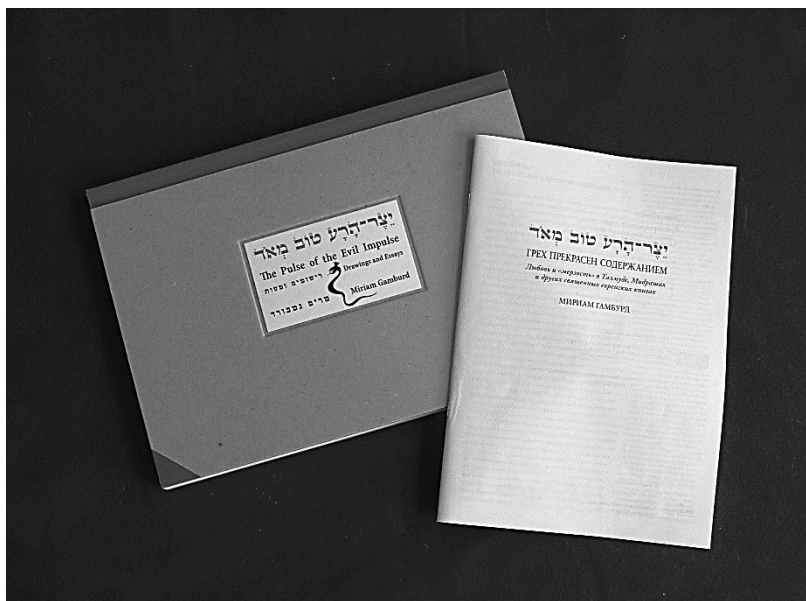
Синкретически соединя искрометные, будто воздушные рисунки с комментированием иллюстрируемых отрывков из текстов, автор утверждает, что бахтинская теория смеховой культуры и мистерий верна и для талмудической литературы.

Израиль – страна небольшая, и создаваемая Мириам книга обрастала легендами: сильна устная традиция, а кроме того, иллюстрированные ее разделы были опубликованы в ивритских и русскоязычных израильских журналах¹⁰, часть рисунков увидели посетители юбилейного осеннего парижского Салона (1903–2003), причем их презентацию предваряло выступление художницы по французскому радио.

Мириам Гамбурд – светская женщина (!) – создала незаурядный труд: первый дерзкий (со всех точек зрения) опыт **визуального** воплощения священных текстов раввинистической письменности. **Текстуально** эссе затрагивают такие проблемные темы, как взаимоотношения искусства, иудаизма, эротики и греха. В этом перечислении поначалу шокирует все вместе и в отдельности.

Шокирует – кого? Как показала действительность – практически всех, и в первую очередь – издателей. Мы знаем, как трудно в наше время удивить публику, как ищут издатели «нечто», гарантирующее или хотя бы приманивающее успех, а с ним и его составляющую – прибыль. И поэтому не раз и не два, а много больше, издатели хватались за рукопись, но, словно обжегшись, с извинениями, сожалениями или без оных – возвращали ее. Ни одному из тех, с кем вела переговоры Мириам, не захотелось рискнуть, идя против негласных канонов и Традиции (вспомним, как жизнь заставила Тевье-молочника обойти Традицию и отойти от нее). Помним и то, что вначале именно женщина взяла и испробовала предложенное яблоко, опередив мужчину. Так, после длинного ряда неосуществленных предложений сотрудничества, Мириам решила, что она сама станет издателем. Что и сделала, наладив связи с редакторами и корректорами, типографией, конечно же – с банком, и превратила свой труд в изящную, нестандартно горизонтального формата книгу объемом в 220 страниц с 80-ю рисунками. Текст – на иврите и английском, а

вариант на русском – отдельной брошюрой. Причем эссе «О женщины, ничтожество вам имя!» содержится только в русском приложении.

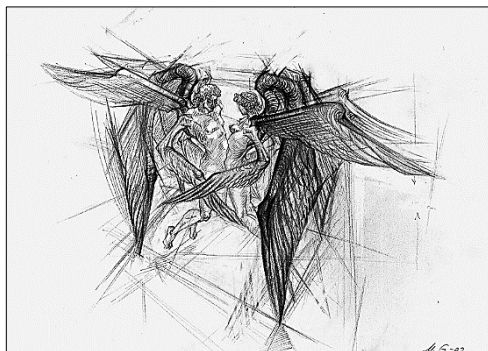

Альбом-исследование был отпечатан тиражом в 300 экз. в середине 2010 года. Последовали презентации, сопровождавшиеся вернисажами. Книга раскупалась, ее приобрели в свои фонды многие серьезные израильские и зарубежные библиотеки.

Симбиоз науки и искусства, плод современного научного изучения канонических и апокрифических текстов и недюжинного художественного таланта. Счастлив тот, кто владеет этим изданием-раритетом – оно из тех, что украшает любую библиотеку!

В дни, когда пишутся эти строки, д-р Мириам Гамбурд заканчивает учебный год в «Бецалеле», где, как уже упоминалось, преподает рисунок, и открывает очередную свою выставку, для которой, в числе прочего, привычного, она создала несколько задорных мультфильмов – парафразы к своему разнообразному творчеству последних лет.

Некоторый итог? Это мы так думаем. Подождем – не сомневайтесь: нас опять, уже в который раз, удивят чем-нибудь...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гамбурд М. Династия Штиглицев // Звезда. 2013. № 4. С. 202–208.

² См.: Гамбурд М. Менялы для прекрасной Лалы // Звезда. 2012. № 5. С. 8–20.

³ См.: Гамбурд М. Немогу лечить стихами (Памяти Эдуарда Шнейдермана) // Звезда. 2013. № 11. С. 207–218.

⁴ См.: Toma L., Gamburd M. Ostrovskii G. Moisey Gamburd // Kishinev: National Art Museum of the Republic of Moldova, 1998. 160 p.: ill.; Тома Л., Гамбурд М. Евгения Гамбурд. [Тель Авив]: Цви ЛГД, 2007. 143 с.: ил.

⁵ См., напр.: «Звезда». 2000. № 8. С. 81–93 (семь рассказов) и 2002. № 11. С. 57–66 (шесть рассказов).

⁶ См.: Гамбурд М. Двухфигурная обнаженка. Тель-Авив: Иврус, 2001. 120 с.

⁷ Талмуд – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма – включает в себя дискуссии, которые велись на протяжении почти восьми столетий законоучителями Страны Израиля, а также Вавилонии,

и привели к записи «Устного закона». Буквальное значение слова Талмуд – учение. Существуют два Талмуда – **Вавилонский**, создававшийся в иешивах Вавилона в 3 – 7 вв. н.э., и **Иерусалимский**, подготовленный в 3 – 4 вв. н.э. в иешивах, находившихся на территории *Эрец-Исраэль* (Земли Израиля). Талмуд включает в себя, помимо дискуссий, комментарии к *Мишне* (основному сборнику Галахи), более поздние постулаты и серии *мидрашей* (собрания отдельных текстов – толкований и проповедей) и *агадот* (притчи, легенды, сентенции, философские рассуждения различного содержания), а также элементы хроник и родословных. В обоих Талмудах *агадот* занимают большое место. Нередко в них описаны реально происходившие события с реально существовавшими персонажами. Одним из выдающихся знатоков *агадот* был рабби Иоханан, персонаж эссе «Натюрморт с серебряным кубком».

⁸ См.: Гамбурд М. Грех прекрасен содержанием. Тель-Авив, 2010. 220 с.: ил.

⁹ См.: Розанов В. Юдаизм // Тайна Израиля. – СПб., 1993. С.105–122.

¹⁰ См.: Gamburd M. Kama shurot be-iton (shlosa sipurim); in book “Rukhot ha-rafuim shel’ Israel” (Гамбурд М. Несколько строчек в газете (три рассказа // «Призраки Израиля: Русско-израильская литература 1970–2000. Антология). Tel-Aviv, 2003. Р. 120–128. (Hebrew, author’s translation); Gamburd M. Sipurim shel’ Miriam Gamburd (sheva sipurim) (Гамбурд М. Семь рассказов) // Afirion. 2001. № 68. Р. 5-16 (ill. and translation in Hebrew by author); Gamburd M. Ha-hal’vaot shel ha-dod Nunia // Mabat mi-Jerushalaim (Гамбурд М. Похороны дяди Нюни // Взгляд из Иерусалима). Lod, 2003. Р. 77–79; Gamburd M. Malahim begodel’ tiv’i (Гамбурд М. Ангелы в натуральную величину) // Carmel’. – 2007. № 13. Р. 66–75; Гамбурд М. О женщины, ничтожество вам имя // Окна (Прилож. к газ. «Вести»). 2007. 10 мая. С. 28–29; Гамбурд М. Лук и стрелы // Окна. 2006. 26 окт.